

...В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ...

Поздний вечер. Баня. Женская. Тетки, соответственно, моются. Под плотно закрытой дверью тусуется всякая нечисть — оборотни там, вурдалаки и прочее. К щелочке щемятся, внутрь заглядывают. И жалобный голос из-за спин всего этого толковища: "Поднимите мне веки, ну поднимите мне веки, пожалуйста"... Анекдот, конечно. Но не только. ОтНЮдь. Еще и своего рода иллюстрация к пардон, дисперсии реакций на это самое "НЮ".

Реакция номер раз. Целомудренная. В смысле — "что вы, да как можно!" Характерна, как правило, для пожилых девушек, которым есть что вспомнить. Но не хочется.

Реакция номер два. Пугливая. "Я об этом слышал, но я слышать об этом не хочу!" Свойственна солидным, ответственным мужчинам, отягощенным властью или финансами, делиться которыми — опять же — не хочется.

Реакция номер три. Массовая, общенародная. "ЭТО?" Да, оно как бы есть. И можно даже поглядеть. И где-то даже не без удовольствия. Но — чтобы никто не видел. Так — через щелочку...

Есть еще и реакция номер четыре. Здоровая. Это когда без сальности, без скабрзности и — без ханжества. Когда не шарят липкими глазенками по стройной женской фигурке, но и не делают старательно вид, что процесс стирания граней между мужчиной и женщиной у нас, таки да, произошел, причем бесповоротно и окончательно. Когда обнаженную натуру — будь то живопись, фотография, карикатура, боди-арт, да что угодно — воспринимают не на уровне голы попки или (если вид спереди) таких же не одетых сисечек, а как живопись, фотографию, карикатуру, боди-арт...

Все вышеперечисленные реакции имели место быть. Причем и ДО, и ПОСЛЕ первого одесского фестиваля эротического искусства "Нюмарина", придуманного и сделанного группой городских сумасшедших, которые в нашем богоспасаемом городе (слава Тому, Кто его спасает!) не переводятся. Тем, кому надо все разъяснять по пунктам, разъясняя: в данном случае сумасшедшие — это не диагноз, это — комплимент. А как иначе назвать человека, которым мало просто приятно поболтать в приятной компании, чего-то славного придумать, пофонтанировать идеями — да и разойтись по домам с милым, душу греющим ощущением своей гениальности... Ну, любят они праздники, эти журналисты, актеры, фото- и просто художники. Причем ладно бы — так, платонически. Нет, их любовь к праздникам (и ладно бы — только к своим, собственным!) — деятельная, требует выхода. И — при этом — очень даже чистая, прям до целомудрия. Во всяком случае, финансами (спонсорскими) ее не ополщили...

Со спонсорами (теми, кто имел возможность вложить денежки в красивую реализацию красивой идеи и получить свои дивиденды, но возможностью этой не воспользовался) действительно вышла напряженка. Но все же люди понимающие и не отказавшие в поддержке нашлись. За это им — Трансчерноморскому одесскому проекту "Топ-Медиа" и издательству "ВМВ" — искреннее человеческое "спасибо" от отцов-основателей (и матерей) "Нюмарины": общественной организации журналистов "Медиа-центр".

А вот кто идею оценил практически без уговоров, так это люди творческие. Самыми активными (и наиболее полно репрезентивными на выставке) оказались фотохудожники числом в 14 ав-

ров, предоставившие 68 работ (их могло быть и больше, но ни один музейный зал не может вместить больше того, что он может вместить). Если и дальше поверять алгеброй гармонию фестиваля, то статистика будет такой: 10 художников — как живописцев, так и графиков (42 работы); 7 карикатуристов (45 работ). А еще были показаны:

Леонид ШИЛОВ. "На Ивана Купала".

— любезно предоставленная Художественным музеем серия изящных, тонких иллюстраций Константина Сомова к знаменитому некогда эротическому альбому "Книга маркизы";

— подготовленная сотрудниками мемориально-литературного музея Александра Пушкина (где, собственно, действие и происходило) экспозиция "Запретный Пушкин": из той области наследия бессмертного гения, с которой детям до... знакомиться не очень рекомендуется, да и некоторым взрослым, которые уже после... — тоже;

— ностальгическая витринка с очаровательными в своей обнаженной наивности героинями старинных открыток начала 20-го века из коллекций краеведа Олега Губаря и журналистки Риммы Березенко. Поскольку страна должна знать своих героев, торжественно оповещая: именно она придумала само это слово — "Нюмарина", ставшее названием фестиваля, вдохновившее и оргкомитет, и участников, и — главное — зрителей, счастливых обладателей именных пригла-

тельных билетов, а значит, гостей праздника и одновременно — членов коллективного зрительского жюри, которое и оценивало: а кто же здесь, собственно, лучший. (О критериях оценок можно, конечно, поспорить, но, да простят меня искусствоведы, сама грешна: то, что имеет отношение к искусству, для себя оцениваю, исходя из железобетонно-

Эмзар КИКНАВЕЛИДЗЕ. "Идиллия".

Эмзар КИКНАВЕЛИДЗЕ. "Идиллия".

го принципа "нравится — не нравится", он же — "греет — не греет".) Специальные купоны с именами фаворитов собирали в настоящий цилиндр пушкинской поры обнаженные (в меру!) девы, юные боди-артовки, расписанные Златой Гончаровой и осененные венками из скромных полевых цветочков...

Именно Злата и была признана лучшей в номинации "Ню и картина!" (нельзя, правда, не придраться — если по-хорошему, то нужно было бы отдельно отмечать живопись и графику, но это ладно, в следующий раз: грозятся же устроители, что "Нюмарина" станет традиционной). Лавры победителя среди фотохудожников достались Ивану Череватенко (его чудная "технопромэротика" — заводские трубы, снятые так, что мысли как-то сразу воспаряют над скучной экономикой в области куда более приятные, — оказалась вне конкуренции, хотя конкуренция эта была очень достойной). Среди карикатуристов пальма первенства — у Леонида Левицкого.

Ни лавров, ни пальм, правда, победителя не вручали. Что вручили, так это специально созданные к "Нюмарине" фестивальные призы, изготовленные художни-

ком Алексеем Чипиным: серебряные раковины с притаившимися в них кораллами (марина, знаете ли!). А дерево в зале пушкинского музея все же выросло, правда, не экзотика какая-нибудь, а самое подходящее для наших широт. Его принесли с собой артисты фольклорно-этнографического центра "Берегиня" (бесценный руководитель — Элеонора Шапкина), представившие исконные ("автентичні", как сейчас звучит чаще, потому что круче) народные обряды, песни, обычаи, которыми издревле встречали праздник Ивана Купала — славянскую мистику, яркую и завораживающую, как завораживает живой костер; которыми приветствовали дивную ночь, когда сходятся вместе силы воды и огня, земли и неба, а люди поют о любви и ждуть ее, не деля, не препарируя, не кромсая на небесную и земную...

Может быть, главное, что удалось на "Нюмарине", которая и состоялась в канун Ивана Купала, — именно это сочетание, казалось бы, несочетаемого. Яркие украинские наряды участников фольклорных коллективов (кроме "Берегини", выступали вокальный ансамбль "Квинта" под управлением Людмилы Волковой; мужской вокальный секстет Южно-Украинского педагогического университета "Явори", убедительно и талантливо продемонстрировавший, как мощно и ра-

ты, запечатленной Олегом Владимирским, Георгием Исаевым, Юрием Бойко, Евгением Волокиным... Или — ими же придуманной и срежиссированной. (Красивая женщина — это, знаете ли, улыбка Бога, которой трудно не улыбнуться в ответ. А вот увидеть, разгадать, открыть улыбку — или печаль — затаенную, скрытую, ту, что не для всех, куда труднее...)

В общем, как уже после "Нюмарины" кратко, емко и авторитетно резюмировал Евгений Михайлович Голубовский, "получилось неожиданно симпатично". Получилось — вопреки пресловутому закону "первого блина", того самого, который, если по правилам, непременно должен быть комом... Да кто их придумал, эти правила? Кто сказал, что они так уж нерушимы? Кто сказал, к примеру, что музей (особенно — если он мемориальный) должен быть непременно исполнен чинной тишины, нарушаемой разве что восхищенными вздохами (или интеллигентно прикрытыми ладошкой звенками), что передвигаться здесь можно исключительно на цыпочках, постепенно покрываясь пылью веков и чувствуя: уже и сам потихонечку превращаешься в экспонат (вопрос об исторической ценности такового представляется, правда, дискуссионным)? Кто сказал, что и сам Пушкин, под именем которого с таким легким озорством соединились древний народный праздник и праздник новый, на глазах придуманный, — тоже только экспонат, забронзовевший в своей хрестоматийной неприкосновенности?..

И дело даже не в том, что из заданного им относится ханжами от литературы (или теми, кто рядом) к возвышенному, а что — к земному. Дело не в скрупулезных подсчетах (вполне научных, между прочим!), сколько раз в пушкинских текстах встречаются те или иные словечки, характерные для лексики мизераблей (что, впрочем, никак не означает, что люди, претендующие на интеллигентность, ими не пользуются), а в приличных изданиях заменяются целомудренным многоточием. Да и не в самих этих текстах (вообще не для собраний сочинений, между прочим, создававшихся, а для друзей — со всей бравадой молодости, гусарской лихостью и нестрашенной радостью бытия) — дело... А в чем? Да все в той же ранее упомянутой дисперсии, пардон, реакции. На новую идею. На время встречи и место. (Его, к слову, можно бы к следующему году и поменять. Не из тех соображений, что эротика и Пушкин — "две вещи несовместные": это утверждение настолько смешно, что на контраргументы и тратиться жалко. Просто — простору хочется. И воздуху.) На подбор участников (ну, тут уж на всех все равно не угодишь: мало кто из настоящего творческих личностей согласится в ком-либо запозднить зачатки гениальности. Кроме как в себе...) и работ (хочется, чтобы отбор был действительно более строгим: очень много чего интересного осталось за бортом "Нюмарины"; а кое-чего, что на ней было, могло бы и вовсе не быть)...

Но это все — уже из серии того, что может быть — потом (продолжение, судя по настрою организаторов "Нюмарины", следует). А в том, что уже было, главное, как по мне, реакция номер пять. Ощущение чего-то яркого, пестрого, нежно-манящего, дразнящего и ускользающего — как едва уловимый аромат духов красавицы, прошедшей мимо; как послевкусие глотка хорошего вина. Как сон. В летнюю ночь...

Елена СВЕНЦИЦКАЯ.